№ 215

Центральный государственный архив
литературы и искусства

ФОНД №53
ОПИСЬ №1
ЕД. ХР. №95

МИКРОФОТОЛАБОРАТОРИЯ ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СМ СССР

Количество кадров

Дата съемки

Оператор Немонтова

~~48~~ 1 26

Тезисы к „Слову о Пушкине"

1) Трудности, сопряженные с пониманием проблем, выдвинутых творчеством Пушкина.
2) Пушкин как самый ясный и самый темный поэт.
3) Пушкинская ясность дробится в противоречиях русской общественной жизни XIX века.
4) Проблемы „Я" и „Мы" (личности и коллектива) в творчестве Пушкина.
5). Пушкин, как теза, как антитеза, как синтез.
6) Пушкин, — как синтез прошлого; ~~ту~~ он определим на- ~~7)~~ сквозь рационализмом XVIII века и освободительными стремлениями Французской революции.
7) Трудности определения общественного лица поэта во второй половине его жизни.
8) Гармония Пушкинской поэзии разрешается в ряд антиномий между „поэтом" и „пророком", „словом" и „мечом", „камер-юнкером" и „революционером", самой личностью поэта и русским обществом.
9) Пушкин, как мыслитель: [illegible] Пушкина.
10) Застенок Пушкина.
11) Евгений Онегин — двойник Пушкина: судьба Онегина.
12) Пушкин и русская интеллигенция.
13) Пушкин и народ
14) Пушкин в синтезе „слова" и „дела".
15) Пушкин и „узники наших дней".

План лекціи.

Как мне говорить о Пушкинѣ? Лучшей на величинѣ. Изъяснить Пушкина значит вскрыть недра самой черты русскаго народа в ее опредѣленіи Достоевским: „быть русским — значит: быть всечеловеком." Пушкин — самый ясный поэт; и Пушкин — самый трудно понимаемый; в его ясности много неясности; образы его говорят всем; и однако не спроста ~~лу~~ лучшіе русскіе люди с 50 до 90х годов переживали стадію отрицанія Пушкина; не понимали Пушкина; и что непониманіе лежало внутри Пушкинской ясности. В ней живет и невнятица „парок бабье лепетанье." Верно говорит Гершензон: „Иное произведеніе Пушкина похоже на тѣ загадочныя картинки для дѣтей, гдѣ нарисован лѣс, а под ним напечатано: „Гдѣ тигр?" Очертанія вѣтвей образуют фигуру тигра; однажды разглядѣв ее, потом видишь ее уже сразу и дивишься, как другіе не видят." И далее вскрывает идею „Станціоннаго смотрителя." ~~Стою~~ Так же вскрывает он всем известное ~~представленіе~~ стихотвореніе „Мчатся тучи, вьются тучи." Мы читаем целиком стихотвореніе и видим образы „бѣсов"; ~~видим", которую видят зачинщик~~... и — только; на основаніи ~~особенностей~~ знанія пушкинскаго творчества и біографических причин, вызвавших стихотвореніе, Гершензон выявляет символику, в нем вложенную и первоначально скрытую: „тигра" не видного в „лѣсе"; здѣсь „лѣс" — картина метели и образы бѣсов; а „тигр" — идея-символ: жизнь — метель, снежная буря, заметающая дороги и сбивающая его с пути; метель идет стихіи жизни; он устанавливает связь этого стихотворенія с разсказом „Метель" и с строками с „Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе грядущаго волнуемое море": в „тигрѣ", в символическом углубленіи несколько стихотвореній и произведеній Пушкина — пересечены ~~пересекают их~~ друг с другом и с жизнью поэта; в данное время „труд и горе" сулит Пушкину его будущій „брачная купель": вскрывается где-то в связи с женитьбой трагическая судьба поэта;

Страшно, страшно поневоле ~~сре~~
Средь невѣдомых равнин.

„Невѣдомая равнина" — то, что вместилось такія ясныя, такія точныя произведенія Пушкина; это тот то
„Парок бабье лепетанье";
которое поэт хочет понять:

Я понять тебя хочу
Темный твой язык учу.

Этим Пушкин является глубокій худ. смысл, единящій разные образы пушкинскаго творчества в целое. Отдельные же образуют [illegible]

или въ лѣсъ
нихъ; вокругъ грани (открывается смыслъ или тигръ".
Современность поняла красоту пушкинскихъ "изображенiя, образовъ; и запуталась въ смыслѣ всего пушк. творчества; запутавшись, отвергла Пушкина; разстоянiе русскаго самосознанiя ~~отъ~~ увидѣвшаго "лѣсъ" (образы ясные Пушкина) и не ~~въ~~ увидѣвшаго "тигра" т.е. смысла равно "исторiи роста самосознанiя русской мысли: "дорога отъ лѣса" к тигру" есть дорога отъ Бѣлинскаго черезъ Писарева, Чернышевскаго, Достоевскаго, к нашему времени; лишь теперь мы всѣ сошлись, что кромѣ "ясныхъ" образовъ Пушкина есть еще "тигръ", смыслъ, углубляющiй образы Пушкина безмѣрно; мы еще ищемъ "Тигра", мы знаемъ: Онъ — есть; но пришествiе его еще не дано намъ.

"Отъ Пушкина "яснаго" черезъ Пушкина "темнаго" мы идемъ к Пушкину мудрому, углубленному, "всенародному": и этотъ то Пушкинъ — все еще лежитъ гдѣ-то въ будущемъ.

Сказать внятно о Пушкинѣ значитъ сказать внятно о генiи русскаго народа, опредѣлить всемiрно-историческую судьбу; и лишь подглядывая эту судьбу Достоевскiй указываетъ: "Назначенiе русскаго народа — внести гармонiю въ европейскiя противорѣчiя, примирить ихъ и сказать въ конкретномъ дѣлѣ братства народовъ." "Тигръ" Пушкина оказывается имѣетъ касанiе к ~~вс~~ грандiозному" вселенскому дѣлу. Но тутъ иные воскликнутъ: "Какъ же такъ? Гдѣ же тигръ у Пушкина? Что вы намъ разсказываете? Говорите о Пушкинѣ." Но такого "Пушкина" тѣ въ ~~Пушк~~ "тигра" въ Пушкинѣ и нѣтъ вовсе. "Тигръ" Пушкина въ насъ, поскольку мы вѣтви, выросшiя изъ его ствола; онъ — въ пестротѣ разнообразныхъ вѣтвей, въ множественности иныхъ идейныхъ, культурныхъ и художественныхъ тенденцiй; въ ~~ш~~ шелестѣ ихъ всѣхъ бродитъ голосъ музы его. "Тигръ" Пушкина въ томъ, что динамизировало ~~ф~~ насъ или въ "непосредственномъ касанiи насъ к его образамъ, или въ культурно-исторической преемственности: т.е. въ томъ, что ~~то~~ динамизировало насъ русское художественное творчество, изъ него истекшее.

(Смыслъ худ. тв. Пушк. — въ ядрѣ, въ цѣломъ, перекликающемся всѣ произведенiя; въ частностяхъ ~~образахъ~~* Пушкинъ кристально ясенъ, кристально-четокъ, совершенно ~~въ~~* словесно выраженъ; въ цѣломъ, въ "тигрѣ" —

— безгласен, темен и сперва герметически закрыт; когда например пытались определить его общественную физіономію, то раздавались одни разногласія: его ~~сп~~ считали — анархистом, революціонером, патріотом, умеренным и либералом александр. времени; ~~так же~~ ~~об одном~~ расходились в оценке его деятельности сами декабристы: декабрист Пущин так отзывается о нем: „Он всегда согласно мыслил о делах общих (res publica), по своему проповедовал в нашем смысле — и изустно, и письменно" (С. Штрайх: „Пушкин и Пущин". Изданіе Венгерова VI том.), а современник Пушкина Горбачевскій указывает, что с Пушкиным „непристойно знаться истинным политическим деятелям, а „бедный Пущин" то незнал" (Н. О. Лернер: „Пушкин и декабристы" газ. Речь 1912. 24. III) Но ~~не~~ едва можно сказать, что и ~~Гор~~ „бедный Горбачевскій" чего то незнал, что по Пущину „по своему" проповедовал; вот это-то „по своему" в исторіи отношенія к Пушкину оказалось настолько неуловимым, неясным, что понадобились десятилетія, чтобы понять эту „игру" Пушкина в так кристально ясной данной картинке лиса". ~~Все~~

Все, пытавшіеся ясно определить Пушкина „ошибались"; попробуйте отнести Пушкина к „официальной народности" (а его относили), когда он явно ~~зая~~ досадует, что дернул его чорт родиться в Россіи: „Святая Русь мне становится невтерпеж" (24 года). Царизм или анархизм отличает его от декабристов: полагали, что „царизм", а по Слонимскому „анархизм". Он по Слонимскому заранее боится „гости" в революціи торжествующих декабристов, а во вторых он проклинает мещанскій квіетизм народов, не откликнувшихся на революціонное движеніе его времени:

Паситесь мірные народы
Вас не пробудит чести клич.

В наиболее реакціонный період свой в 28 году, когда он ~~становится~~ пишет ~~хвал~~ ~~Николаю~~ к Филимонову:

Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт:
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.

Рѣчь идет о якобинском ~~колпак~~ шапочка, о том, что она снята с поэта поневолѣ; ссылка на то, что эта шапочка не в модѣ, — явно иронична по отношенію к этой модѣ.

Но „откровеннаго разговора" помимо внѣшней цензуры не было бы между П. и его современниками. В том, что волновало его наиболѣ был он нѣм, учась „темному языку" стихій русской дѣйствительности; с нами он был бы откровеннее, но открылся он весь — в будущем.

Бенкендорф, жандарм, его считал „mauvais garnement" (негодяй); вельможа Мордвинов — „вѣтряной головой"; декабристы Горбачевскій и Писарев — сошлись с Бенкендорфом, и Мордвиновым, с Николаем. ~~вдруг~~ Казалось бы Пушкин — понят, уличен, отвергнут, заслонен Лермонтовым, Некрасовым, [illegible]: „тигра" не оказалось; и вдруг — в XX вѣкѣ: ~~разоб~~ у разоблаченнаго в [illegible] Пушкина Гершензон открывает загадки, [illegible] пишет про него „Сняв голову [illegible]"; ~~всег~~ в совѣтских органах чаще и чаще звучит нота „наш Пушкин"; и даже у Демьяна Бѣднаго опускается рука: не поднимается она на Пушкина.

В чем загадка?

И без анализа пушкинскаго творчества, в одном измѣненіи отношеній к П. за столѣтіе — эта „загадка" всплывает. Достоевскій прямо ее выдвигает перед нами: „Пушк. загадал нам загадку и вот мы теперь ее разгадываем."

„Загадка" — разгадывается и по сіе время; загадка между „лицом" и „тигром": меж ясной периферіей пушкинских представленій, понятій и образов и темным смыслом, сквозящим сквозь них т.е. со-мыслием, синтезом многих, со-чувствіем (сверхчувств) со-образностью, со-образить (сообразить) образы ~~чувств~~ П. музы совсем не легко даже самому Пушкину; ему ясно его отношеніе к данному образу; но его „Σ" не исчерпывается самим творчеством. Поэт — рупор коллектива; сквозь его „Σ" выговаривает себя „Мы" коллектива, а коллектив, окружавшій П. по Дост. есть русскій народ;

Сквозь П. лепет миллионов „Я“: „~~в единообразном~~ мог ли быть понятен этот лепет „Я“ Пушкину, поскольку это „Я“ было связано с „его биографией, средой, классом, историческим моментом“; в нем он был „темным языком“, который он разгадывал, хотел понять, но не понимал.

Жизнь П. ему самому не был ясен; то, что движет волею поэту, чего поэт является выразителем не может поэту быть внятно в формулах; если бы у него рождались формулы, он не выражался бы образами, писал бы формулами, был бы публицистом, ученым.

Публицисту, ученому ясно, куда он целит; поэт по существу не знает в формулах ~~[illegible]~~ какие понятия в нем складываются; ученый плывет в Индию; и открывает Индию; поэт часто думает, что ~~он~~ направляется в Индию, а открывает Америку.

Вдохновение по П. есть „расположение души к живейшему принятию впечатлений и со-ображению понятий“; ~~а проводникам~~ здесь „со-ображение понятий“ „со-ображение“ их т.е. соединение в образах и самое сочетание образов: „со“ этих образов нигде не дано в „понятии“ ибо оно целое, а сумма понятий — частей; „со“ в „живейшем процессе течения представлений“; „живейшее течение“ — организующий жизнь сознания процесс, а „понятие“ есть результат разложения процесса, его „остановка“; смысл их гр. не разгаданной ясности, вне ясности дума, не в картинках, а в „шорохе“, в лепете“ в „процессе“; в Фетовском „шепоте, в робком дыханьи“, или в „против которого [illegible] целил Демьян Бедный, или в пушкинском „Парк... лепетанье“: в расположении у читателя к живейшему течению жизни сознания, вызванному таким же живейшим ~~течением~~ творч. процесса. Образ, дума, статика, формула понятий, —

есть тончайшій мостик, [illegible] перекинутый от творческой пучины поэта к творческой пучине читательских восприятій времени, углубляющей и раз~~ширя~~множающей смысл поэтического образа, — зерна, из которого прорастает колос, пучок колосьев и наконец волнуемая, как море необозримая нива многообразий внятного пониманія.
Смысл образа, как зерна, в ниве, которая некогда из него прорастет.

Понять Пушкина — суметь выговорить все то, что посредством его образов выговорилось в русском народе — в образах Лерм., Некр., Достоевского, Толстого, в отдельных сознаниях, в народе, в том, что зажглось от П.

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикій
Тунгуз, и друг степей Калмык.

Не ждите от меня внятной характеристики произв. Пушкина. Ждите, наоборот, ~~разговора~~ слов ~~о том~~ над которыми Пушкин не задумался, но которые во мне возникли из произведеній П. Я — часть нивы, проросшей из Пушкина; и „череп" мой — в Пушкине; хотя Ал. Серг., может быть, „мне удивился бы".

Мои слова — не анализ слов и образов П., а живое теченіе предст. и пон., возникшее из жизни этих образов во мне; мои слова — результат вдохновенія Пушкиным; я делюсь с результатом.

П. о себе мог думать другое; я могу с его мыслями о себе расходиться: это — не важно; важно, что мои мысли — результат теченія во мне: Пушкин — протекает в меня! Искусство действует не ~~мыслями~~ образами, а живительным теченіем над ними; что — вдохновляет; отсюда понятие об этом теченіи есть памятник над всем тем живым, принимаемым за мертвое. Принимать П. в семени его образов, значит хоронить его, не принимая во внимание его жизни в нас; живое теченіе есть ~~св~~ отличное начало в личности поэта, в представленіях и поэзіи, в которых если это теченіе — известковые отложенія ~~[illegible]~~ рока, формы, соціальных условій, в которых личность поэта „Я" поэта затемнило ложною ясностью" ~~этот~~ ощущеніе того корень поэта „Мы" какого то коллектива в нем; в этих массах — дворян, аристократ интеллигент начала XIX века; в живом теченіи под ними — первый „всероссійскій" или даже „всечеловек", „народный человек" по выраженію Д; противоречіе между „[illegible]-органума поэзіи „П" и самим органумом", противоречіе между „Я" и „Мы", между „дворянином" и „все-русским"; противоречіе между „[illegible]" и „жизнью", между „трупом" и „живым".

Труп П. есть ~~его~~ замкнутая в камер-юнкерскій мундир „мумія" Александра Сергеича; жизнь П. во всех нас: во мне, в вас, ~~так~~ в пролетарском поэте дорогом, посвятившем П. стихи

Часто склонившись к моей подушке
Когда вьет кругом тишиной
Александр Сергеевич Пушкин
Разговаривает со мной.

Об этом росте твор. начала в П. его личность не могла не ощущать и это-то, срывающем его, заживо укладывающем его в могилу. Гершензон правильно указывает в своем очерке „Мудрость Пушкина" ~~на~~ то, что П. в последних годах ощущал омертвеніе; но неправильно связывать „омертвеніе" это с омертвеніем его мудревшаго творчества.

~~Говорить~~ Брать текстуально образы П. в их раздельности, ~~[illegible]~~ в ясности четкости „слепо", значит разлагать со-образности его творчества: это значит говорить о трупе П. А.

В стихотворении „Пророк" он говорит: „Как труп в пустыне я лежал"

Но этот труп оказывается после того, как вместо вырванного языка было вложено в уста „жало мудрыя змеи"… „Труп" есть состояние истерзанья; после их „труп~~ности~~" звучит голос: „Восстань".

„Трупом" лежал П. перед сознанием русской интеллигенции десятилетия до пророческого слова „Д."; оно — голос в нас, обращенный к П.: „Восстань… Глаголом жги…" И вот П. уже восстает в нас; и каждый не мертвый из нас скажет, соглашаясь с умест. поэт. дарованием:

Склонившийся к моей подушке
[illegible] круглой тишиной
А. С. Пушкин
Разговаривает со мной.

в Первом Зеркале П.
Говорит П.

Да, П. осознавал себя трупом с 26-го до 37 года; „труп" — одеяние П., его мундир камер-юнкера; это — классовое отличие во всех веках.

Мы все родимся одинаково: в человечестве; умираем в классе; и воскресаем в будущем: всечеловечестве.

Личность — огороженный участок; в творчестве — колодезь, который копается в этом участке; живейшее течение — родник личности в „Мы" — в потоке подземном, пересекающем участки. „Я" — синтез времени, быта, среды, класса, рода и т. д., полученного запаса сведений, воспитания и т. д. в „Мы": понимание этого синтеза, результата, как тезы, которая антитезою последующих поколений к новому более огромному ~~[illegible]~~ синтезу д.

Взгляд на Пушкина, как на синтез своего будущего единого времени, как на тезу, открывающую путь через антитезу, отрицание, к новому синтезу

I

В одном отношении П. завершитель огромнаго періода; он, как бы вос-резюмирует в элементах, ~~сталкивающихся~~ прошлаго и в поэтической форме своей завершает эпоху; и в ~~а~~ культурных вкусах своих и в общественных устремлениях — он предуказан прошлым; он — завершение, синтез эпохи; но именно: этим синтезом и звучит его личность, его "Я", стремление к высвобождению этого "Я" из элементов, слагающих "Я": когда я говорю о синтезе, то разумею "химический синтез", а не механическое смешение элементов; ~~русские культур~~ пуш. синтез в том, что при химич. соединении яда "Na" + яда "Cl" получаем новое вещество: полезную соль; "NaCl". До "Пушкина" русские культуртрегеры механически смешивали с русской своей основой "Na" "Cl" западно европейской культуры; у поэзии Ломоносова, Державина, Жуковского, Батюшкова мы вкусим это "Cl" в виде западноевропейской учебы; у П. западноевропейское приобретает впервые новое свойство быть русским.

Пушкин — первый русскій европеец; и эта Европа в П. деятельна плотью и кровью русского самосознания; впервые в нем русское ~~самосто~~ становится будущей русской вполне общечеловеческой; содержание П. поэзии — общечеловеческое, оставаясь русским; а ~~язык~~ форма его произведений слиянием с духом русского языка. Вместе с тем образы П. музы впервые являют нам нашу Россию; недаром образ музы его, или поэтического единства ~~роди~~ является ему сперва в Пушкина ветхой русской старушкой; не даром он советуется не раз с (~~няней~~ Ариной Родионовной); образы поэзии Ломоносова или Княжнина, или риторична: это — громадные полотна, где

Звездам числа нет — бездне дна.

И на фоне этих бездн встанут риторические образы мифологических существ, одно из которых "Елисавета".
Муза поэзии Державина — отвлеченно риторическая какое-то ~~[illegible]~~ Екатерина Вторая; персонажи — мифологические: ~~à la style jesuite~~ образы изложены в какую-то [illegible] style jesuite.
Природа державинских болотен — гиперболична: с
"с белыми бород власами"

„Алмазна сыплется гора" в место водопада: вместо природы „страна-/ли горы" и „Сребророзовая" температура. Климат этой „приро-/ды" — не русскій, это либо Индія, либо фантастическая Цитера.
У Жуковскаго, перенесеннаго на западъ, лишь проблески русской природы; это взглядъ на природу изъ „Павловска". Природа Батюшкова (~~Это скорее природы~~ Эллада", или природа подстр. парка с боскетами.
~~То~~ ~~Это~~ У большинства до П. поэтов преобладает „гипербола" и „мета-/фора": „Алмазна гора"; Метафоричность — „механическое „сочета-/ніе" двух элементов в один: вроде еще Na + Cl, два яда, нужен NaCl" — соли;
Изъ этихъ конгломератов Пушкин осаждает впервые NaCl": и результатом этого творческаго действія является „первый умен-/ренный климат нашей сырой, русской природы:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Передъ избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькія тучи,
Передъ гумном соломы кучи.

Здесь впервые появляется образ нашей (лит. в. Он.) Россіи в — ~~такой~~ и в гори-[illegible] зонте нашей поэзіи; до сих пор ее заслоняли „Алмазны горы" и „бездны"; вместе с тем эта Пушкинская „Россія — живет, [illegible] всечеловеческими интересами
Этот Пушкинскій синтез эта „NaCl", соль его образов [illegible] в место яда Na" в виде славяно-~~[illegible]~~ [illegible] начала поэзіи (былины, нар. поэзія, „Сл. о п. Игор.) + Cl" ~~[illegible]~~ механически усвоенной пиитики и рето-/рики Запада" является в содержаніи: смягченной, гуманизированной, всечелове~~чным~~ческим началом русс. народности у П.; в форме же он является синтезом: ~~метафорической~~ [illegible] образов Ломоносова, ~~[illegible]~~ звуковой трескотни Держ., „Мелодизма Жуковскаго въ звуковую метафору въ „сладкіе звуки" Пушкина
Конструктивно Пушкина" пер. всего анализировано; звук спаян

Сращен образ со смыслом: трудно найти „Na“ (сод.) и „Cl“ форму и формосодержание в NaCl.
„NaCl“ — химич. синтез“; но он может лишь исходным нового процесса
$2NaCl + H_2SO_4 = Na_2SO_4 + 2HCl$; в пушкинском синтезе там мы вместе увидим процессы новообразований: Na_2SO_4 его удивительные новшества формы (сказка о Балде, где он перекликается с модернистами; о размерах сказки: пишут и Поливанов, и ак. Корш; „HCl“ → изумительная имитация Гете, Шекспира, испанцев; „Шекс. переводит“; а П. со-создает: с западно-европейскими авторами; а Д. считает эту черту всечеловечности в П. основной чертой русского народа, которая раскроется в будущем.
Но об этом позже.

Русская поэзия началась с отрыва: с ученейших рассуждений о стопосложении и с декретов о том, каким быть стиху; можно сказать, что Петр, декретировав „быть городу“, декретировал быть стиху. Кантемир, Тредьяковский, Ломоносов более разговаривали стихом, чем писали; их красота есть эстетика самой риторики; они искали „штиль“; и тут в исканиях штиля перекликнулись „с фр. поэзией“, имеющей происхождение не от народной, а от „Renaissance“. Ломоносов до Пушкина „русский Малерб“; даже Батюшков, Остолопов, Востоков для своего времени имели глубокие стиховедческие знания; история русской поэзии совпадает с историей русского стиховедения в своих истоках.
Круг читателей — сенаты (может быть один Шувалов для Ломоносова); Державина уже читал слой ~~вн~~ нарождающейся дворянской интеллигенции; Жуковский, Батюшков — расширили этот круг.
Но П. первый вышел из аристократического круга читателей: потенциально он записал впервые: для всего народа.
Пушкин завершитель эпохи стиховедения; он закончил задуманный опыт создания русского стиха; в его ~~[illegible]~~ впервые свершился лаборатории впервые совершился синтез формы в отличие от западноевр. формы, которой лишь он овладел вполне, явился сосудом, в котором вылилось содержание переживаний, нахлынувшее течение предст., понятий, эмоций, импульсов.)

Въ немъ начало Сальери, соединившее его с прошлымъ всей евр. культуры стиха; о себѣ мог бы он сказать:

Ремесло
Поставил я подножiемъ искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную сухую бѣглость
И вѣрность уху... (М. и С.)

Да в сущности он и сам это говоритъ.

Порой я стихъ повертываю круто...
Всё ж видно — не впервой я имъ верчу.

Что онъ С., поскольку онъ предетерминированъ всѣмъ прошлымъ опытомъ стихотворенiя, см. Сальери:
С удовольствiемъ он ссылается на слова Бюффона: „Генiй есть терпѣнiе въ высшей степени"; хвалитъ Бар. за то, что он „не пренебрегает... трудами отдѣлки." (Зам. о Бар.); хвалит Дельвига за то, что он в своихъ гекзаметрах „слѣдует... правилам, положенным совр. учеными"; „вдохновенiе нужно в геометрiи, как и в поэзiи" (Мелочи); укоряетъ ~~[illegible]~~ [illegible] [illegible] въ томъ, что он „никогда не хотѣлъ учиться своему искусству" (Лиц. замѣтки); учитъ, что в творчествѣ „трудъ, безъ котораго нѣтъ истинно великаго" (Мелочи); он знаетъ, что на одной гладкости и точности не построишь стиха: „Точность... рѣдко соединяется с генiем" К своему собственному творч. относится холодно: про Русл. и Людмилу говоритъ: „Никто не замѣтилъ... что она холодна..." про „Кавк. Плѣнника": „Николай и Алекс. Раевскiе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись"... про Бахч. Фонт. говоритъ: „Бахч. Фонт. слабѣе Плѣнника" и т. д."

Пушкинъ — образованнѣйшiй чел. своего времени: в этом смыслѣ онъ, будучи первымъ русским поэтом, т. е. поэтом русск. народа, гораздо болѣе прiобщенъ исторiи западной культуры; онъ ~~освѣдомленъ въ эстетикѣ~~ в замѣткѣ о драмѣ ссылается на ученiе Канта и Лессинга и считаетъ, что мы остаемся при понятiяхъ тяжелаго педанта Готшеда; его замѣтки полны экскурсовъ в исторiю ~~фр.~~ французской поэзiи, начало которой он видитъ в бореньяхъ Ронсара и Малерба.

Онъ способенъ прочесть лекцію объ исторіи александрійскаго стиха и разсказать, как за нимъ смотрѣлъ степенный Буало. Это чувство-понимание ремесла", ~~как~~ ~~[illegible]~~ какъ и у Сальери („Я сдѣлался ремесленником") обусловливаетъ его интересъ ко всему техническому; это сказалось в его замѣткахъ „О [illegible] Мерзлякова", в „Замѣчаніяхъ на Пѣснь о полку Игоревѣ" и т. д. Его характеристики античныхъ поэтовъ точны, сочны, ярки; а стиховѣдѣніе и усвоенная культура прошлаго позволяютъ ему овладѣть ~~[illegible]~~ духомъ античности; о немъ можно так сказать, как говорит Бѣлинскій: „Какую силу выраженія надо имѣть, чтобы такъ совершенно перенестись в ~~[illegible]~~ 19 столѣтіи в золотой вѣкъ..., чтобы так угадать греческую поэзію сквозь латинскіе, франц. и нѣмецкіе переводы" (Бѣлинскій).

Тут путь отъ знанія, от овладѣнія не только вѣкомъ 18 и 17-мъ вѣком, но и сквозь нихъ прикосновеніе къ Ренессансу: его „Ода Анакреона", „Труд", „Мальчику (изъ Катулла)", „Художнику" — перлы. Лишь с вершины этого огромнаго „овладѣнія техникой" ~~его~~ у него сознательно складывается мысль о томъ, что русскій стихъ, опредѣленный Востоковымъ, станет народнымъ стихомъ.

~~[illegible]~~ П. такъ связанъ со всѣмъ прошлымъ, так опредѣленъ имъ, что зачастую высказывается противъ современныхъ ему стихотворныхъ новшествъ; онъ за „классицизмомъ" видитъ болѣе будущаго, нежели за романтизмомъ; и даже в „Готической" такой дерзко-новой по формѣ фразѣ Гоголя видитъ искаженіе языка и говоритъ: „Проза пишется гораздо неправильнѣе, чѣм стихомъ. Я говорю: нельзя же писать так, как пишетъ Гоголь." (1830., Крит. Зам.). Въ разсказахъ Гоголя его пугаетъ „неправильность его слога, безсвязность его... разсказовъ" (Рец. на 2 изд. „Вечеровъ [illegible]); между тѣмъ: ~~[illegible]~~ „[illegible]" Фрак. элегіи" Теплякова заставляетъ его воскликнуть: „Если бы г. Тепляковъ ничего другого не написалъ, кромѣ Элегій Фракійскихъ и Стансовъ Любви и Ненависти, то и тутъ занялъ бы он почетное мѣсто между нашими поэтами". О Лермонтовѣ, о Тютчевѣ — ни звука. Ему не нравится романтическій стихъ Надо

Надо с товарищу, друзья натуры
Чи жизнь пустили без узура.

Перегруженность ремесленным опытом прошлых столетий герой делается его консерватором; он чувствует сам свою обусловленность рококо и барокко прошлого столетия; „Признаюсь в стыде нашего запоздалого вкуса" — говорит он — в этих семи стихах (речь идет о семи строках Вольтера) мы находим более слога, более жизни, более мысли, нежели в полудюжине длинных, французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе."

Пушкин в отношении к ~~веку~~ культуре искусства надвое зрения — насквозь рационалист т.е. обусловлен ~~XIX~~ XVIII веком, т.е., лежит — в прошлом.

Также же он обусловлен прошлым т.е. выводом ~~из~~ XVIII века в своих общест. убеждениях: общест./ для П.

Этот центр образования — ~~в Во~~ в Вольтере и Руссо; отец П. — вольтерианец; „Вольтер это — „все"; в Лицее — „политич. экономия"; преподаватель Куницын — у которого охотнее всего учился П. — написал в свое время книгу, пропитанную защитою прав человека и гражданина"; Галич — свободный мыслитель. Лицей — очаг вольномыслия"; в 16–17 годах в Ц.С. стоял гусарский полк — с офицерами Н. Раевским, Чаадаевым; отсюда уже связь со будущими декабристами; [(С 26 году было подана Ник. записка воспоминаний лицеистов) П. в отношении Лицея был декабристом.

Уже в 17 году пишет, что угнетенное

„Отечество почти я ненавидел"

Разговоры его сверстников или

„Насчет небесного царя
А иногда насчет земного".

С 20-го года сближение с Рылеевым и Бестужевым.

Он пишет:

Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

Одно время он думает о цареубийстве.

будучи передовым человеком, воспринявшим дух Вольтера и Фр. Энциклопедизма, он был обусловлен веком прошлым т. е. XVIII веком и революцией.

Сосланный, оказывается в районе действий Южнаго Общ.; знакомится с Пестелем; П. производит на него сильное впечатление; но П. доносят, что он „ругает публично даже в кофейнях правительство". В Каменке" (Песня Чув.)

„За здоровье тех и той
До дна до капли выпивали"

Он прислушивается к революц. движению Европы; и видя, что революция не вспыхивает, разочаровывается, впадает в пессимизм; и в Одессе в 23 году — вполне разочаровывается в возможности революции.

Паситесь мирные народы
Вас не пробудит чести клич.

Отсюда его большая замкнутость, индивидуалистический анархизм, аристократизм, культ индивидуума.

До ~~[illegible]~~ поездки в Москву — картина ясна: Пушкин — революционер, анархист, не сильно задумывающийся над государств. формами после революции; антигосударственник.

После — загадка: по одним — революционер до конца жизни, по другим — умеренный либерал; по третьим — консерватор.

К вопросу о том, каким был П. мы еще вернемся, а теперь встает лишь картина того, как и в общественных увлечениях он был [illegible], [illegible] всего прошлого.

~~Синт~~ ~~[illegible]~~ ~~сферы~~ Но новая поэзія знает и эпоху, по [illegible] синтез его поэзіи сочетался с его гражданственностью до 26-го года в полной гармоніи; он был первый поэт в среде истинного искусства; и — первый большой поэт-гражданин.

В этом аспекте он весь исчерпывается прошлым; им определяется ~~он синтез прошлое~~

Но чем же отличается Сальери в П. т. е. от другого начала в нем? От Моцарта, который как

некій херувим

Он несколько занес нам песен райских.

„Na+Cl“ еще механическое соединеніе: Na+Cl = NaCl — акт „синтеза“: А. П. отделяет от Сальери особая наука: уменіе владеть вдохновеніем; вдохновеніе, как высшая сознательность; уже определеніе вдохновенія П. глубоко знаменательно: „Вдохновеніе есть расположеніе души к живейшему принятію впечатленій и соображенію понятій“. Это расположеніе отделяет он от восторга; оно есть уменіе читать темный язык стихій:

Я понять тебя хочу.
Темный твой язык учу

Сальери учится „ясным языкам“ (техники); Моцарт ~~умеет~~ имеет знаніе об обладаніи темным языком, который ему открывает поток (Державина), которого он боится („О страшных песен сих не пой“. „Пой“ говор. Моц.-Пушкин:

„Я понять тебя хочу.“

П. знает условіе этого: рост вниманія к окружающим звукам міра; уменіе их расслышать и отзываться; это — наука.

Баратынскій вскрываетъ это вниманіе, как погруженіе въ особаго рода состояніе сознанія:

Есть бытіе, но именем каким
Его назвать: ни сон оно, ни бдѣнье.
Меж них оно, и в человѣкѣ им
С безуміем граничит разумѣнье.
Он в полнотѣ понятья своего,
А между тѣм, как волны на него
Одни других мятежней, своенравнѣй,
Видѣнія бѣгут со всѣх сторон
Как будто бы своей отчизны давней
Стихійному смятенью отдан он.
Но иногда, мечтой воспламененный
Он видит свѣт, другим не откровенный.

Умѣніе себя поставить въ условія такого состоянія сознанія и означаетъ пушкинское „пониманіе темнаго языка“:

Для этого нужна новая внимательность (каким-то радіо-улучшеніем человѣческаго сознанія: вот): радіо-пріемникъ; умѣніе выключиться: „покой и воля“ + временное одиночество; отсюда:

Бѣжит он, дикій и суровый
И звуков, и смятенья полн
На берега пустынных волн
В широкошумныя дубровы.

В этом состояніи усилія и повышеннаго вниманія нѣтъ никакого „жупела“, „восторга“, наоборот; здѣсь нужна наука обладанія собой:

Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

„перейти от черни" т. е. неорганизов. коллектива к коллективу организованному.

и Моцарт, и Пушкин, и Баратынскій хранили науку вдохновенія, как особого знанія, принятія впечатлѣній и сотворенія понятій; и Блок имел эту науку, когда он характеризует это знаніе говорит: „На бездонных глубинах... идут ритмическія колебанія подобныя процессам, образующим горы, ветры, морскія теченія". И то, что по Блоку должно улавливать внутр. ухом поэт: он-то и организует образы; „Я" поэта здесь становится приемником безпроволочного телеграфа; и как телеграфный аппарат надо изолировать от улицы, так надо изолировать себя поэту в эти минуты; и умѣніи этом поэт отличается от других; но что это за ритмическія колебанія; это — те токи, которые идут к поэту от коллектива, которого рупором он является; это и явленія воспріятія образов впечатлѣній в особом состояніи сознанія, именуемом вдохновеніем подобны установленным наукою фактам телепатіи; здесь „Я" поэта включено в суть всѣх, кто „мы"; здесь расширеніе личности, приподнятіе поэта в его твор. [illegible] над ближайшими условіями быта, стиля; это расширенье ведет к тому, что

— „и внял я неба содроганье
„и горний Ангелов полет
„и гад морских подводный ход
„и, дольней лозы прозябанье"...

Слово рождающееся [illegible] отсюда

есть жало мудрой змеи".

Но расширение за пределы личности убивает личность:

Как труп в пустыне я лежал.

Эта ~~ужасная~~ наука вдохновения ~~со~~ и ~~производит~~ свет; ~~по~~ наводящее восприятие, в котором сливается «Na» + «Cl» → «NaCl»; ~~так~~. Каждый акт творчества есть «сознательно проведенный» химический опыт синтеза содержания, предопределяющий тот синтез формы, в котором Сальери стяжал мастерство.

Вне этого опыта вдохновения поэт ничем не отличается от других:

И средь детей ничтожных мира
Быть может всех ничтожней он.

Вдохновение — процесс мучительный: прорастание «L» в «[illegible]» страшно; оно заставляет переживать разложение личности:

И он мне грудь рассек мечом.

Оно ведет к переживанию себя трупом.

«Как труп».

Это «священная жертва», ибо личность поэта, его «L» приносится в жертву. Отсюда же

Есть упоение в бою
«И бездны мрачной на краю».

То, что для «[illegible] начала в [illegible] («M» в «S») есть ~~яд~~ «яд», то для личности н.е. камер-~~юнкера~~ юнкера А.С. есть «мрачная бездна», в которую проваливается S. «[illegible]» включает в себя сознательного Сальери, принимающего яд Сальери; этот последний ~~пред ним~~ в нем живет как тот [illegible]

5 1

„Человекъ": Моцарт говорит:

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень, он гонится.

→ вне этого осознанія он еще „эхо": резонатор" его (~~[illegible]~~ языка — лишь отзвук: в осознаніи — языка ~~[illegible]~~ ограниченной

Черный человек, тень поэта, тяжелящий его груз его" сознательной ~~[illegible]~~, обособленной замкнутой личности и есть „труп" не вдохновившаго еще в себе Пророка; Пророк — поэт, освободившійся вполне от прошлаго от ~~семьи, рода, секты~~ классовой морали, поколенія, ~~класса~~ а классовых предрассудков путем осознанія источника „вдохновенія" в поэт. науке;

По мере роста поэт. самосознанія, по мере овладенія словом и формой двойник расширенного до мiрового сознанія поэта в виде суженного, сниженного, разлагающагося личного „я" все более и более меркнет. „Черный человек" Моцарта, т. е. отделившийся от него „Сальери" убил Гоголя, измучил Толстого. И он же пред Пушкиным поставил его двойника: сперва Онегина, потом камер-юнкера Алекс. Сергеича, схваченного пошлым ~~обществом~~, жандарм. Бенкенд. и солдатом Николая; он видит свой „труп" нищающим, устающим от „Медного Всадника", он чувствовал его каменное „пожатіе Командора.

Ибо самый рост поэт. самосознаніе становится ужасными муками Творчества.

От них гибнет.

В Пушкинском [illegible]², ~~Стоб~~ мучительной для него, заключаются: 1) уменіе созерцать без ~~[illegible]~~ „ars poetica" прошлаго 2) уменіе созерцать без знанія науки от овладенія вдохновеніями (новое) (3) уменіе вливать образы этого вдохновенія в изменчивые формы.

6 ~~59~~ 37

Результатом этих знаній ~~бытія~~ с пушкинским синтеза образ Россіи: 1)
Первый европеец среди нас стал первым русским.

Вторая Россія в ея настоящем:

На небе серенькія тучи.
Перед гумном соломы кучи.

Явилась она в своем прошлом:

Дела давно минувших дней
Преданья старины глубокой

Он говорит, что я

Просто вам перескажу
Преданья русского семейства.

До П. не было быта Россіи; что уменіе дать душу быта — результат небывалого расширенія души; запад слился в восток; восток стал западом в нем; вперед стал вчерашним; вчера — вчерашнее ~~то~~ сростилось с народной стихіей ~~(~~ (в русских сказках и т. д.); П. — первый народник; первое наше хожденіе в народ — в нем.

С одной стороны — с ним окончился долгий огромный період; он вершина поэзіи; но за ним — никого: он вне пушкинской линіи.

Наоборот: Лермонтов — открывает період.

Гр. — Пушкин? Нет.

И др. — во всем.

И прежде всего он — „в отрицаніи Пушкина“.

Так синтез П. становится телом; почвой, от которой ширится дорога всей русской жизни.

~~Ето~~ В Пушкине рост поэтическаго самосознания ведет от осознания себя „эхом" к осознанию себя пророком, ~~[illegible]~~ от игры к долгу „Жалом мудрой змеи" жечь сердца людей". ~~Эти новыя~~ задачи вносят в его поэтич. миссию новое осознание всего того, что препятствует вольно ему отдаться ~~[illegible]~~ высшей миссии: сочетанию поэтич. слова с человеческим долгом; препятствует „личность", отягощенная „я", становящееся темным пятном „в солнечном мае", „в всём живущем"; и ~~[illegible]~~ несение в себе темнаго пятна, „черного человека", „яда" Сальери, ~~[illegible]~~ проявляется в пушкинском творчестве, как рост в нем омертвения; пока он был лишь „эхом" источником вдохновения „эхом" жизни, обществ. отношений его времени, он воспринимает стихии, как мятежные звуки моря, звук которого он передает; теперь „море" становится для временной личности „мрачной бездной", а эта личность ощущает себя перед бездной „трупом" над могилою. Он уже связан долгом служения; его свобода быть лишь „эхом" кажется ему гибельной; его свобода — свобода в долге „жечь сердца глаголом".

Я вижу в праздности, в неистовых пирах
В безумстве гибельной свободы
В неволи, в бедности, в чужих степях
Свои растраченныя годы · 28

Его ~~Его~~ 28 года это чувство ~~*~~ стесненности, угнетенности, трупности — растет: ~~до ся~~ и разрешается трагической исповедью.

И с отвращением читая жизнь мою
И трепещу, и проклинаю
И горько жалуюсь, и горько слезы лью
Но строк печальных не смываю. (28)

Уходит „вдохновенье“ отлетает; он обращается к рифме:

„Ах, ужель ты улетела
Изменила навсегда. (28)

Но, изменила в прежнем смысле; теперь он ~~[illegible]~~ говорит о „противо-чувствующих привычках“; ~~[illegible]~~ своё имя зовёт он, в ночь это чуждое, чуждое:

Что в имени тебе моем
Оно умрет, как шум печальный.

Вдохновение свое силится он подчинить высшему долгу:

Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой (28)

Здесь уже вопрос о том, чтобы вертеть стихами“, а вопрос о том, как слово „поэзия“ превратить в дело „жизни“. Но „гре-шность“ не пускает.

Напрасно я бегу к Сионским высотам
Грех алчный гонится за мною по пятам. (33)

На высотах он встречает „Орфея“ —
В священном ужасе поэт.

А в низинах жизни он ~~[illegible]~~ не в состоянии ввести своих грёз в жизнь:

Но прекрати свои рассказы
Таи, таи свои мечты (28)

С того времени в изумительном пушкинском прозрачном слове разверзается огромная молчание; углубляется внутренний смысл“, который ~~[illegible]~~ не совпадает с внешней поверхностью („сказать ей „Ах!““). Углубляется противоречие между „мыслью“ и „жизнью“.

Ср. Трагичная связанность — невозможность ~~[illegible]~~ превращать в свободно-свободу в дело, невозможность воплотить „революцию духа“ в революцию жизни; и прежде всего постигается связанность политическая; политическая свобода для поэта — одно лишь из выявлений свободы духа: свобода от

«Изъ Мицк...», «Изъ экономическихъ»; ~~и даже тут~~ и даже сибирскихъ руд.
(Уже поэт скрывается: Стихотворенія — Жест: 5 виселицъ, имъ нарисованныхъ (по поводу ~~въ~~ казни 5 декабристовъ). И фраза:
И я бы могъ, как шут.

Фрондированіе прошлыхъ лѣт кажется безсмысленнымъ:

Не удостаивая взглядомъ
Твердыни власти роковой
Онъ к крепости стал гордо задомъ.
Не плюй в колодезь милый мой!

Разъединеніе в нем «верхняго» начала, в котором поэт живет уже в коллективѣ» (и этот колл. — Россія) и начала личнаго, посаженнаго в тюрьму придворной жизни ведет к противорѣчіям привычек.
Он ~~ощущает себя~~ знает, что он

Въ лицо и въ жизни арлекинъ

Чтобы понять, что произошло с 22–23 года до 26 го, когда после мысли о бѣгствѣ он был доставлен в фельдъегерской карете к царю, нужно вспомнить, что за это время он пережил 1) рост всех революціонно-освободительнаго движеній, заставившаго его ~~[illegible]~~ осознать не только мысли о революціи и цареубійствѣ, но и мысли о том, что декабрьская революція, будь она торжествующей, не освободила бы окончательно, а наложила бы на нее новые оковы; декабристы ему казались узкими и ограниченными революціонерами; мы знаем, что революція эта привела бы в лучшем случае к англійскому конституціонализму.
2) Он правильно оцѣнил мелкобуржуазный характер массовых движеній; «народ» казался ему коснеющим в невѣжествѣ.

«Паситесь мирные народы
Вас не разбудит чести клич.

Пушкин до Николая. Революцію уже пережил её в духѣ; и — понял, что она — не выведет из тупика;

представленій что о соціальной революціи в то время у него не могло быть: сомненіе его отпадает от тех представленій; сознаніе же его революціонизировалось максимально; достаточно чутко прислушаться к ритму его в ~~оригинальной~~ натуры Пушкина, [у которого билась пламенная кровь] чтобы понять, что П. был „максималист", перешагнувшій все программы „минимум", но не сразу ясно представившій себе программу „максимум"; эта программа жила в нем в катакомбах в революціях сознанія (т. е. революціонного сознанія), заставляющих „пророка" подставить свое сердце под пламенный меч, сокрушій чудо, и идущаго ~~заставляя~~ на то, чтобы самый язык, говорящій о ветхом и косном был вырван, дабы жечь „огнем революціи" сердца людей.

Даже Пестель должен был ему казаться ограниченным и умеренным, а дело декабристов обреченным на провал: недоставало даже сознанія исторіи русской общественной мысли; между „максимализмом" П. и первыми робкими его выявленіями в делах „народовольцами" лежала бездна деятельностей; в эти „деятельностей" путаниц позора так ясно стояли перед П.... Оставалось сказать:

Но прекрати свои рассказы
Там, там свои мечты.

И первая фигура молчанія — праща индивидуализма и скептицизма, в которой он особенно подчеркнуто закутался: с 23 года, с момента одесской жизни, после разочарованія в декабристах.

Молчаніе Пушкина о самом главном, о том, что есть „слово и дело" — потрясающе: пока, когда ~~он~~ всю жизнь его тянуло к обществ. служенію он задумался над [illegible] рядом [illegible], над революціей — сверху Петра; ~~над~~ ~~вне~~ его появленіе перед Николаем уже попытки подпольной работы: его записка об ~~[illegible]~~ образованіи, поданная царю, есть отчаянная и обреченная на неудачу обманъ и "вызовъ" от Самодержавія, хотя это — "навзд"; в его отношеніи к Николаю — утвержденіе конспиратора чистоты своих перед друзьями и перед той своею частью сознанія, которая могла проговориться; он даже не воспользован в выраженіи своего прорицающего Бога, как Л. Толстой, а совершенно иначе.

~~Итак~~ С 26 года до 37 го — на стороне біографіи, которая повернута к правит. т. е. "Пушкин. консерватор", "Пушкин [illegible]" все это гримасы, спазмы, корчи Ваала, у которых он выкрасил стих в смерть.

Ведь отправясь с фельдъегерем в 26 году, он вез с кармана первоначальное окончаніе "Пророка"

Возстань, возстань пророк Россіи
Позорной ризой облекись...
Иди — и с вервіем на выи
К царю... (с покорностью)... звис.

В 26 году он знал, на что идет: с 26 до 37 года "сознаніе пророка" под серьезной маской шута, пыталось вести свое подпольное дело, заведомо обреченное на неудачу.

Все государственные интересы поэта А. С. Пушкина — ширма для того, кто молчал с думой о "деле" под ней.

"Пушкин" был схвачен жандармами и всезнающими "затерзан"; "Симулякр" его превращенія было разгадано; под тайну была подведена контр-мина. В. Так когда он обращался с хвалою к царю, он писал к декабристам, ~~чтобы будет~~ настанет ~~будет~~ время, когда им будет [illegible].

К этому же своему конспиративному молчанію он обращался

Средь пошлых судеб кружение
Досель не вступившей
Непреклонность и терпенье...
Но терпенія не оказалось когда сам себя казалъ
Въ науке и в жизни Арлекин.
И тогда безумие стало охватывать П., ~~как~~ Евгения.

Не дай мне Бог сойти с ума
Нет, лучше посох и сума....
- - - - - -
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверка
Дразнить тебя придут.

И подходил он сам, себя являя;
Он протягивал послушно руку
Как бы его к шарманщику
Картуз изношенный сымая
Смущенных глаз не подымая

И — посадили: 1) Цепь — пошлых предрассудков, „всех родных“ — с женитьбой 2) Цепь — материальной нужды 3) Враждебность Уварова и Бенк. 4) Позорное камерюнкерство: вступление в Царск. Село: Внимание Николая к хорошенькой Пушкиной и камер-юнкерства, чтобы она бывала на интимн. вечеринках.

Письма к жене: „Не кокетничай с царем“ (1833), к Нащокину: „На балах пляшет. С государем любезничает“ (32)
Любимая дама Николая: Из дневника — балы, балы, балы... Из дневника 34-го года.

„Я пожалован в камер-юнкеры (это довольно неприлично моим летам)“... „В. Великий Князь намедни поздравил меня в театре. — Покорнейше благодарю, Ваше Высочество: до сих пор все надо мной смеялись, вы первый меня поздравили“... „Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его...“ „Государь был недоволен“ (это ужасно больно) „Выехал из Пет. за пять дней до открытия Алекс. Колонны, чтобы не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами“

Даже Виртембергскій посланник сообщал своему правительству: "что пожалованіе камер-юнкерством: „заставило его снова перейти в оппозицію"

Камер-юнкерскій мундир для П. — „позорная риза шута"
Посадят на цепь дурачка
И сквозь решетку, как зверка
Дразнить тебя придут.

П. до смерти смотрел на свою заживо-погребенную личность, как на ~~[illegible]~~ предмет изображенія; и она отразилась в нем Евг. Онегиным; „Евг. Онегин — зашифрованный П.; он сам есть „маска"; его поверхность — „омертвеніе", „скука", под которой — молчащій и его пожирающій „пламень исканій": Гоголь уничтожал живую часть, „искру" — „сильную часть" своих „Мертвых душ": П. уничтожил живую окрыленность „Евг. Онегина", его последнюю главу, где „Евг. Он." открывается нам в сношеніях с „декабристами". Под маской „омертвенности" в Евгеніи пламень искательства.
Черты Евгенія „нош" в себе П. человек, П. гражданин — с юности:

Я ~~[illegible]~~ От юности…
Останется уныніе одно (17)
Я вас бежал, питомцы наслажденій
Минутной младости минутные друзья (20)
Я пережил свои желанья
Я разлюбил свои мечты,
Остались мне одни страданья
Плоды сердечной пустоты (21)
Мне скучно, бес (Сцен. из Ф.)

Судьба ждет; мы — в нем; они бегут. (25)

Звонких глупостей писалось об Онегине.

Единственный его дефект — дитя времени, преждевременное рождение „*науки страсти нежной*".

Он — добрый, благородный, увлекающийся; ведь не спроста его раскусила одна из львиц:

„Узнали ль вы до сей поры
„Что просто очень вы добры..." (Из альб. Евг. Он.)

Равнодушие — маска; он увлекается.

„И решено — уж он влюблен
„Россией только бредит он" (Из пут. Онег.)

Увлечения его ведут через пылкую страсть к Т., увлечения, более его ведут к декабристам; он оказывается

У безпокойнаго Никиты
У осторожнаго Ильи.

Но повидимому его скорее влечет к Пестелю и к Южн. общ. (т.е. к терроризму).

Пока он ~~не увлечется~~ действительно не [illegible] глубоко Т., он благородно отрекается от любви Тат.; но —

Нашед мой прежний идеал
Я б верно вас одну избрал.

И — П. прибавляет:

Не в первый раз он тут явил
Души прямое благородство.

И все же: еще в деревне он до некоторой степени Т. увлечен; на именинном обеде —

Как то взор его очей
Был чудно нежен...

Онегин изображен П. во внешней рисовке не тем, кем он был, а каким казался среди:

Его честили так и сяк
Врагов имеет в мире всяк.

Понятно, почему П. не слишком отличает его; ведь Онѣгин — он сам в ½ своего существа в юности; защищать Онѣгина — ему просто неделикатно; и он предпочитает отшучиваться, но бросает на них, это отношеніе — понятно: Онѣгин ведь возвышался над окруж.: эту окр. казалось Онѣгину-Пушк. отжившим; Евген-

И устарела старина
И старым бредит новизна.

Онѣгин просто поздно читал

Адама Смита
И был глубокій эконом…

Под маской равнодушія он непрестанно ищет путей жизни

Чѣм ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патріотом…

Оказывается он оказался у „Декабристов"; и стало быть далее его путь — совпадает с Пушкинским: т. е. может ожидает виселица, „И я бы мог, как шут" (слова П. к рисунку) или же, как П. он замолчал и его затеряна бы жизнь, к. П.

А ночью слушать буду я
Не голос яркій соловья,
Не шум глухой лесов,
А крик товарищей моих
Да брань смотрителей ночных
Да визг, да звон оков.

Достоевскій сближает Онѣгина с Алеко: „Алеко-Онѣгин" и под. искавшие себя сословіе интеллигенціи; от скуки — к покаянію; от покаянія — к исканію, к ~~хотѣнію~~ скитанію, к хожденію в народ; и стало быть — прибавим мы: от народничества — к народовольчеству: к револ. марксизму и т. д.

Д. про Онѣгиных говорит: „Эти русскіе бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое

Ханжество". И прибавляет, что еще мало забеспокоившихся; скоро многие забеспокоятся: „довольно лишь дѣльной боли забеспокоившихся, чтобы" и остальному… большинству не видать через них покоя"… И далее: „Никто еще не умеет правильно высказать тоски своей". Но и в 80 году под.: Не многие умели правильно высказать тоски своей". Что же через 28 лет отмечает Блок в теме своей „Россия и Интеллигенция". В 1906 году он выражает беспокойство: „Что же делать?… Нет больше домашнего очага… Потухли очаги. Двери открыты на вьюжную площадь." И далее: „Голос вьюги вывел их" и „Шоссейными путями нищей России идут, ковыляя… Это — священное шествие… миллионной России, которой уже нечего терять… она… пустилась по всему… непредумышленно, шу раздольно…" И тогда же Блок видит цель этого шествия: шествия в революцию, через революцию к „братству народов"…

Пушкин за 100 лет первый до народовольцев, народников, декабристов ощутил себя в равнинах Неведомой России

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин.

Шествующим сквозь метель, пророчащую иных „Бесов равнин" —… восстанию, к максимализму.

Восстань, восстань, пророк России

Но не для того, чтобы облечься позорной ризой, а чтобы „обходя моря и земли глаголом жечь сердца людей".

Но русская о[illegible] сиднем сидела; и он был вовлечен к „сидению" сиднем.

...Позорю будущность я
...Средь товарищей моих...
Девиц, да звездочек.

Пушкину тут не будучи в состоянии пророчески говорить, не будучи в силах соединить „слова с делом" начинает пророчески молчать. И это пророческое молчание — искомый „[illegible]", „[illegible]", загадка которую он нам загадывает.

Пушкин, как поэт — синтез слова: исполнитель и завершение традиций „Гомера и Феокрита"; но в Пушкине этот „синтез" прошлого становится „тезой" еще более огромного синтеза, „слова и дела"; „Антитеза „дело" без слова жила с ним эпоха.

Быть может волею небес
Я перестану быть поэтом.

Она углубляется в ~~[illegible]~~

„Но прекрати свои рассказы
Там, там свои песни

Под вынужденной позорной рукой; под ледяной мертвой маской. И это выявляется в Онегине:

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом.

Весь поэтический пушкинский период — не повторенного „гения" Пушкина ~~во~~ сладких звуков [illegible], совершенной, единственной, неповторимой формы: ея просто быть не может; ~~[illegible]~~ вся [illegible] К П. форм — глубже; она прошлая, настоенная на Гомере и Феокрите; ~~вовсе~~ и нет прямой линии преемственности. Вместо линии загадочное

~~65~~ 43

Обрывы П. поэзіи — конусъ всего того, что вытекло изъ "молчанія" П. въ "дѣло" П.; это — во всѣхъ явленіяхъ русск. словесности:

"Мѣдн. Вс." окаменѣвшій въ П. "вздохъ" — разряжается въ русск. литературѣ (въ концѣ "Бѣдныхъ умностей" Дост." а оторвавшійся [illegible] отъ него "Евгеній", "умность", не могущая разорвать гранитныя оковы, обѣдняется въ "Бѣдныхъ людяхъ" Достоевскаго: пролетаризируется; Некрасовъ и т. д. Толстой

"Музыка" человѣческихъ отношеній застываетъ въ государственной централизаціи, Россію "вздернувшей на дыбы" и насильственно удерживающей въ окаменѣніи "надъ бездной": революціонность Петра, "вздернувшей" Р. для прыжка, искажается въ узду Николая Iго; и въ этой нотѣ живые с П. "умолчанія" разрѣшаются лучшими дѣятельнѣйшей соучастія общественности "дѣла", въ которомъ отрицается П.

Антитеза "дѣла" П. — отрицаніе П. въ Писаревѣ и въ Чернышевскомъ.

~~Изъ Пушкина~~ Въ русскомъ молчаніи П. оказываются въ двойнѣйшей судьбѣ русск. словесности, культуры, общества.

И наконецъ со времени великой роли Д. увидѣвши въ новомъ свѣтѣ простоту и голость пушкинскаго слова, "жизнь" и т. е. П. дѣло "загадку", мы медленно начинаемъ разгадывать П.; и понимаемъ, что онъ — самый темный, самый новой, самый трудно понимаемый и медленно читаемый поэтъ изъ всей

Кочующей с юности.
Воскресает чудно, „Вперед от Пушкинскаго" т. е. в П. загаданнаго [illegible] Б. к Пушкину, который живет во всех нас. К востанію „казеннаго ~~ку~~ прозаическаго трупа", иль „медной статуи" в ~~[illegible]~~ жизни и прежде всего русскаго народа.

Достоевскій говорит: „По масштабу Пушкина мы еще и не начинали узнавать; это геній, опередившій русское сознаніе еще надолго" (Дн. Пис. 77 г.) По Д. П. — „один из первых русских, ощутившій в себѣ русскаго человѣка всецело".

Что же это за „всецело"; „всецело" быть русским по Д. в своем русском Я" ощутить „Мы" человечества; в народѣ по Д. ~~[illegible]~~ эта вс~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ расширенность Я" в коллектив, в „Мы" потенціально заложена; в П. она уже начала сказываться реально; муки личности П. от прорастанія в нем „народнаго Мы", разламывающаго „дворянскую" личность Алекс. Серг.

П. по Д. первый заявил, что русскій человѣк не раб, „было рабство, но не было рабов". В значеніи этого Некрасов по Д. вытекает из П. (Дн. Пис. по поводу смерти Некр.). П. — „великій непонятый еще предвозвестник"

В чем же П. предвозвестник? } 1) Он первый поставил пред нами діагноз болезни нашей в Он. Алеко: оторванность от народа

2) Он по Д. первый дал ... „худ. типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русскаго"

3) Он первый среди нас имел способность „перевоплощенія в геніи чужих націй"

Но по Д. способность к перевоплощенію „есть руская національная“; в ней народно законно наше стремленіе на запад; в этом всечеловеческом расширеніи руской стихіи по Д., „нищая земля наша скажет новое слово міру“ (Объясн. слово к Пушк. речи Дн. Пис. за 1880 г.).

Отсюда Д. прибавляет, „в Европѣ — все подкопано, и может быть, завтра же рухнет. И на мѣсто гибели прошлаго возникнет нѣчто неслыханное, новое, ни на что прежнее не похожее. Все богатства, накопленныя Европой, не спасут ея от паденія“. „А мы же при всей нашей нищетѣ выскажем „зерно будущей правды“.

И вот Пушкин первый с своей классовой отъединенности ~~узнав~~ сроднился заправду с потенціально живущей в руском народѣ „зерно будущей правды“, способной примирить европейскія противорѣчія, молчаніем своим, утаенным за звучными образами своей поэзіи, загадал нам загадку, которую мы ~~зовем~~ разгадываем!

В чем загадка послѣдних, полуосознанных устремленій Пушкина, устремленій, которые были в нем пророческими, когда „как труп в пустыне „Я“ лежал“.

Разгадка в устремленіи нашего народа, в это устремленіе — в ощущеніи, что „стать настоящим руским, стать вполнѣ руским, может быть, и значит только стать братом всѣх людей“...

С этой-то загадкою по Д. и умер Пушкин, с загаданной всемірною революціей, клокотавшей в нем пророчески как революція его сознанія:

Восстань пророк... ~~И~~
И обходя моря и земли
Глаголом жги сердца людей.

Д. говорит: „Пушкин умер… и — унес с собой в гроб некоторую ~~загадку~~ великую тайну; и вот мы теперь без него эту тайну разгадываем…"

Можно сказать, что подслушанная догадка о „загадке" П. оправдывается теперь в лучах красных знамен, на которых начертаны слова „братство народов"; м. б. она разгадывается теперь, когда ритм не сказанных П. слов о „Деле" рассказывается духом Пушкина „кремлевскому поэту", прислушивающемуся:

Долго склонявшись к моей подушке
Когда опять кругом тишиной
А. С. Пушкин
Разговаривает со мной.

Мы было окончили нравственность значения П.

П. — как ~~антитеза~~ теза: словесный синтез всего прошлого.

П. как антитеза: дело Русская культура XIX в.

П. как синтез: Слово и Дело: в рождении [illegible] нашему народу Миссiя осуществить „братство народов". Восстанiе пушкинского пророка в Кремле.

Пушк. фраза — тетива, натянутая из прошлого стрелой, пущенной от к делу

67 45

Пушк. Содержание — Старина прошедшая иначе и
Нов. прошедшая и улетающая в будущее.
Пушк. Синтез: Старина погибшая в узле / в будущее:
по новому вскроется П. в радости народов

Конспекты
к одной из
лекций о
Пушкине.
Юстр

3Н / 2620 8